

Обзор статьи Энтони Калделлиса «Александр Великий в византийской традиции, 330-1453 гг.»

Эндрю Брайан Дегг

Культуролог
degg@sfedu.ru

Аннотация: В обзоре на англоязычную статью греко-американского исследователя-византолога Энтони Калделлиса (Anthony Kaldellis) «Александр Великий в византийской традиции, 330-1453 гг.» (Alexander the Great in Byzantine Tradition, 330-1453 AD) (Издательство Кембриджского Университета) рассматриваются основные идеи автора касательно образа такой масштабной личности как Александр Македонский в рамках византийской цивилизации. Э. Калделлис – профессор Университета Огайо, специалист в области греческой историографии, идей Платона и византологии. Является автором недавно нашедшей в научном сообществе книги «Византийская республика. Народ и власть в Новом Риме» (The Byzantine Republic: People and Power in New Rome, 2015), в которой он высказывает нестандартный взгляд на культурно-политическую систему Византии, согласно которой эта Империя является «монархией в республике», наследуя таким образом античные римские демократические институты. Его известные и свежие публикации: Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition, 2007; Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium, 2019; The New Roman Empire: A History of Byzantium, 2023. В представленной к анализу статье Э. Калделлис продолжает придерживаться своего традиционного взгляда на Византию, как тесно связанную с Античностью цивилизацию. Он показывает эволюционную динамику византийских рефлексий на тему Александра Македонского на примере различных историко-биографических, религиозных, политических и литературных источников и воззрений.

Ключевые слова: обзор статьи, Александр Македонский, Александр Македонский и Византия, Александр Великий и мировая культура, эллинизм, поздняя Античность, Средневековье, византийская литература, византийский интеллектуализм, византийская идеология, Византия, Э. Калделлис

Review of the article by Anthony Kaldellis «Alexander the Great in the Byzantine tradition, 330-1453»

Andrew B. Degg

Culturologist
degg@sfedu.ru

Abstract: The review of the English-language article by the Greek-American researcher-byzantologist Anthony Kaldellis «Alexander the Great in the Byzantine Tradition, 330-1453» (Alexander the Great in Byzantine Tradition, 330-1453 AD) (Cambridge University Press) examines the author's main ideas regarding the image of such a large-scale personality as Alexander the Great within the Byzantine civilization. A. Kaldellis is a professor at the University of Ohio, a specialist in Greek historiography, Plato's ideas and Byzantine studies. He is the author of the recently sensational book in the scientific community «The Byzantine Republic. People and Power in New Rome» (The Byzantine Republic: People and Power in New Rome, 2015), in which he expresses an unconventional view of the cultural and political system of Byzantium, according to which this Empire is a «monarchy in the republic», thus inheriting the ancient Roman

democratic institutions. His well-known and recent publications: Hellenism in Byzantium: The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition, 2007; Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium, 2019; The New Roman Empire: A History of Byzantium, 2023. In the article presented for analysis, A. Kaldellis continues to adhere to his traditional view of Byzantium as a civilization closely related to Antiquity. He shows the evolutionary dynamics of Byzantine reflections on the theme of Alexander the Great on the example of various historical and biographical, religious, political and literary sources and views.

Keywords: Article review, Alexander the Great, Alexander the Great and Byzantium, Alexander the Great and World culture, Hellenism, late Antiquity, the Middle Ages, Byzantine literature, Byzantine intellectualism, Byzantine ideology, Byzantium, A. Kaldellis

© Э.Б. Дегг (Ростов-на-Дону). degg@sfedu.ru Южный Полюс 10 (2) (2023) DOI: 10.18522/2415-8682-2023-10-48-55

Свою статью Э. Калделлис начинает с общего введения, где обозначает основные контуры, в которых существовала фигура Александра Македонского в Византии. Он отмечает большое преимущество средневековых греков-византийцев перед другими народами в вопросе доступности античного культурного наследия, в силу их прямого родства и языковой общности со своими древнегреческими предками. Так как Александр грек, то византийцы могли объявить его своей неотъемлемой частью культурного и национального кода, возвести его в свой неоспоримый пантеон героев. Однако помешала этому та сложная многосоставная природа византийской идентичности, которая нам сейчас хорошо известна. И здесь Калделлис выделяет традиционные три составные части византийской сущности, цивилизации: греческая культура, римская государственность и христианская православная вера. Однако между собой эти элементы имели некоторые трения, противоречия. Особенно это касалось взаимодействия христианства с древнегреческой культурой, что в сознании византийцев получило логичные коннотации - термин «эллинизм», как отмечает Калделлис, стал синонимом слова «язычество», которое было недавно побеждено новой религией. Он заявляет, что «Это создало неизбежную разницу между ними и древней Грецией» (— *здесь и далее пер. Э. Дегг*) [1, с. 216]. Хотя со своей стороны отметим, что это было не столь однозначное положение, византийская культура всегда вступала в очень тонкий и сложный процесс взаимодействия со своим античным базисом.

Итак, этот христианский элемент византийской идентичности не надавал возможности средневековым грекам ассоциировать себе на прямую с Александром. Здесь давал о себе знать и ветхозаветный элемент, связывавший византийцев с евреями, жившими в рамках Персидской Империи, что является несколько даже курьёзным, так как именно эту Империю разгромил Александр и построил, в том числе, и на её руинах свою эллинистическую Державу.

Унаследованная римская государственность тоже не позволяла византийцам напрямую связывать себя с Александром. Так как их генеалогия восходит к Августу и Ромулу, собственно византийцы всегда были очень последовательны и ревностны в вопросе своей преимущества с античным Римом. Если выражаться современным языком, то всё это в совокупности определило римскую национально-политическую идентичность Византии – подтверждает ещё один общеизвестный тезис о византийцах Калделлис. Мы же добавим, что ещё у античных римлян нам известно почитание и уважение к фигуре Александра, как пример великого правителя и полководца. Например, через Плутарха нам становится известно о случае с таким известнейшим римским правителем, как Гай Юлий Цезарь, когда он прослезился, читая жизнеописание Александра, восторгаясь им и печалась о себе, понимая, что не достиг таких же высот и побед [2, 116]. У византийцев македонец в

итоге тоже смог занять место «символического» римского Императора, правда, в целом, эта роль носила приспособленческий характер. Как отмечает Калделлис, этот Император стал ещё и протохристианским в различных эсхатологиях и художественных произведениях.

Здесь хотелось бы обратить внимание на краткую, но на наш взгляд, довольно важную заметку, сделанную Калделлисом, касательно аллюзий на образ и историю Александра, которую учёный нашёл в средневековой византийской эпической поэме «Дигенис Акрит» X-XII веков. В поэме рассказывается о жизни византийского акрита (воина-пограничника) Дигениса, о его подвигах и приключениях. Как сообщает Калделлис, один из возможных анонимных соавторов данного произведения «ниспровергает» в тексте с традиционной «доски почёта» «ложный миф» Гомера об Ахилле и Гекторе и всячески превозносит Македонского, за которого заступает Бог и, который теперь носит характерный грекоязычный титул «космократор». А сами истории о Дигенисе полны подражаний и отсылок к известным фактам из жизни Александра. Считаю данный сегмент статьи Калделлиса важным аспектом, так как за поэмой и её главным героем, по сути, стоит византийская феодальная военно-административная система, которая очень хорошо изучена в византологической историографии с социально-экономических позиций, но, к сожалению, часто обходятся стороной те аксиологические и художественные пласты, которые она породила в византийской культуре. И в образе Александра, который здесь адаптируется и заимствуется, мы видим живую народно-культурную связь эллинистического мира на протяжении веков. Средневековая эллинистическая армия, через «своих певцов» здесь воздаёт должное своему древнему предку и античному эллинизму. Далее Калделлис переходит к разбору, как он выразился пяти образов Александра, а точнее пяти подражаний ему в различных источниках. Как утверждает Калделлис, византийский Александр складывался из пяти различных элементов, если угодно, традиций и является таким образом эклектичным персонажем.

«Первый» Александр является совокупной традицией более-менее классических исторических и биографических трудов. Можно спорить о каких-то деталях, что в этих биографиях не так, но, тем не менее, это достаточно «сухие», строгие источники, которые не создают каких-либо домислов, спекуляций и аллегорий. Собственно, сам Калделлис в основном занят их простым перечислением. Особых комментариев здесь нет и дать их трудно, ведь в статье речь идёт, в первую очередь, о всевозможных трансформациях Александра. А историко-биографический пласт такой материал дать не может. Среди первых античных историков Калделлис упоминает Арриана и уже нами ранее затронутого Плутарха. Главной мыслью в этом разделе, пожалуй, является труднооспоримый тезис о том, что византийцы имели наилучший, по сравнению с молодыми европейскими странами, доступ к античным источникам с точки зрения объёма и качества, сполна пользуясь этим. Поворотным пунктом в этом благополучии и изобилии, естественно, является взятие в 1204 году Константинополя крестоносцами, что послужило потерей огромного количества литературы, какой именно мы даже и представить теперь можем с большим трудом. Но некоторые источники до нас дошли, что стало возможно благодаря патриарху IX века Фотию, составившему, что-то вроде «читательского дневника» – «Мириобиблион» (или просто «Библиотека»), где он составил большой, внушительный список самых разных античных произведений с краткой характеристикой, описанием. Среди этих книг оказались и произведения, посвящённые Александру. Калделлис приводит из этого списка следующих авторов: Феопомп Хосский («История Филиппа II Македонского»/ «Филиппика»), Аминтиан (Ἀμύντιανός) (биография Александра), Кефалион («Хронография»), Агатархид («История Азии», «История «Европы»), Мемнон Гераклеяский («О Геракле»), Дурид Самосский («История»/ «Македоника»). Также Калделлис упоминает некоторых других авторов вне библиотеки Фотия, точных данных о которых нет.

«Второй» Александр является, по сути, «точкой пересечения» двух исторических традиций – греческой и библейской, что представлено в труде Иосифа Флавия «Свидетельство Флавия» («*Testimonium Flavianum*»). Этот синтез был очень важен для византийцев, так как они являлись христианами, но, естественно, не могли полностью отказаться от своей греческой идентичности. Центральным здесь для византийцев был визит Александра в Иерусалим.

«Третий» Александр, как отмечает Калделлис, является синтезом историко-биографической и художественно-романтической фигуры, что является плодом переработки византийцами романа об Александре Псевдокалисфена. Со своей стороны заметим, что бытование образа Александра в различных средневековых традициях имеет большой пласт византийских, европейских и ближневосточных произведений. Можно говорить даже не о «вариациях» на конкретный литературный первоисточник, а о целом «жанре» подражания с типическими сюжетными линиями и героями.

«Четвёртый» Александр, пожалуй, в нашем случае, наиболее интересен, так как затрагивает уже непосредственно византийскую идеолого-политическую традицию, связанную с проблемой встраивания греко-македонского завоевателя в унаследованную византийцами римскую политическую генеалогию и модель государственности. Калделлис ссылается здесь на Иоанна Малалу, его «Хронографию» VI века. И здесь мы уже видим полноценную красочную эвгемеризацию образов, событий и действий. Повествование об Александре начинается (с особым акцентом) с его прибытия в древний «Визоуполис», то есть Византий,

Оказавшись на этом месте, Александр стал тренировать свою армию перед судьбоносной переправой на другой берег Босфора, где уже была Азия и её огромные, неизвестные, манящие пространства. Это место по сообщению Малалы получило название «Стратегион». На самом деле, это было одно из константинопольских общественных мест, которое автор решил таким образом «удревнить». И не просто так, а для встраивания Александра в государственную идеологию Византии. Так Малала хотел показать, что именно Александр Македонский является, как это называет Калделлис, «протооснователем» Константинополя. И даже «протовизантийским Императором», так как в описании завоевания Персии македонец предстаёт римским Императором и занялся «освобождением городов и территорий римлян... и возвращением римлянам всего, что они потеряли» (— *пер. Э. Дегг*) [1, с. 119]. Заметим, что, собственно, это является чистым анахронизмом, имеющим, вдобавок, актуальную для времён Иоанна Малалы политическую подоплёку. Она заключается в историческом фоне, в котором тогда, в V-VI веках пребывала Византия – бесконечные войны с Персией, что продолжалось уже долгие столетия. Предположим, что один или несколько из ирано-византийских конфликтов, которые застал при своей жизни Малала, стали причиной написания им такой истории об Александре.

Также, со своей стороны сделаем осторожное предположение, что, возможно, Иоанн Малала в какой-то степени мог поспособствовать развитию именно вот такого компиляционного и фантазмагорического образа Александра в писательской традиции только недавно начавшегося Средневековья, а также в массовом народно-поэтическом сознании эллинистического населения Византии. Этому мог бы поспособствовать стиль повествования Малалы, который характеризуется не типичным для византийского элитарного класса снобистским агицизмом, а довольно простонародным греческим языком, что было обусловлено как недостаточной образованностью самого Малалы, так и, выражаясь современным коммерческим языком, «клиенториентированностью» средневекового литературного жанра, где главным потребителем был простой необразованный человек. Этим же объясняется повышенная «образность», собирательность сюжетов, жонглирование фактологией.

Также эту линию о «протоимператоре Александре» развивают такие любопытные источники как «Parastaseis» - список достопримечательностей Константинополя и примерного такого же профиля работа «Patria Konstantinupoleos».

И, наконец, «пятый» Александр является фигурой, встроенной в эсхатологические библейские сюжеты, преимущественно, ветхозаветные. Основой для «библейского Александра» стало утверждение пророка Даниила о грядущем «четвёртом Царе», который уничтожит Персию прежде, чем его собственная держава распадётся. Как замечает Калделлис, этим сполна воспользовались византийские авторы в разные периоды. Он упоминает, например, Феодорита Кирского, который, как и многие другие теологи, даёт большой комментарий на тезис Даниила и пытается прозрачно намекать именно на Александра. Тезис Даниила позже, начиная с IX-X веков, стал образцом и путеводной звездой для последующих апокалиптических текстов.

Далее Калделлис говорит об актуальном историческом фоне VII века, а именно последствиях арабских завоеваний христианского Востока, византийских провинций, что пробудило ещё больше эсхатологических переживаний, в которых Александру отводилась, если не главная роль, то одна из важнейших. Речь, в первую очередь, идёт об «Откровении Псевдо-Мефодия». Согласно этому сочинению, именно Александр «запер в плен» нечестивые народы Гог и Магог и спас мир от их нашествия – здесь мы видим очередной анахронизм и аллюзию на самые разные из возможных социальных и военных катаклизмов прошлого. Мало того, Калделлис акцентирует внимание ещё и на таком очень занимательном факте из данного произведения, как последнюю битву Конца времён, когда с освободившимися Гогом и Магогом сразятся Императоры (намёк на византийцев), являющиеся потомками Александра Македонского. Такой образ протохристианского эсхатологического правителя крепко устоялся в сознании византийских авторов и читателей.

Таким образом, мы разобрали основные типы образов Александра Македонского, которые нам представил Энтони Калделлис. Далее в своей статье, используя уже эту основную информацию, он рассматривает различные детали касательно бытования фигуры правителя у византийских авторов. Мы лишь вкратце перечислим имена этих писателей: Иоанна Малала, Георгий Синкелл, Георгий Амартол, Иоанн Зонара, Константин Манассия, Иоанн Антиохийский.

Далее Калделлис более подробно говорит о восприятии Александра в политической сфере Византии. Отметим лишь некоторые наиболее интересные случаи. Калделлис сообщает о малоизвестном риторическом произведении III века под авторством Менандра Ритора, в котором рекомендуется прославлять императоров при помощи сравнения их с Александром, подчёркивая достоинства правителей. И также есть практический совет встречать Императора (если он въезжает в какой-либо город) называя его «Новым Александром».

При этом надо отметить, что, несмотря на всю значимость фигуры Александра, она не только восхвалялась, но и критиковалась в пользу, собственно, потенциальных заказчиков возможного панегирика, показывая противоречивость результатов деятельности македонца и обличая его пороки и слабости. Так было, например, в случае Маниула I Комнина и Константина Великого (панегирик Евсевия Кесарийского «Жизнь Константина Великого»). В случае же с Юстинианом Великим Прокопий Кесарийский ведёт «двойную игру»: то обличает Императора в пользу Александра, то хвалит.

Юлиан Отступник в своих произведениях и переписках скорее критиковал Александра, хотя заметим, что данный Император стал язычником и должен был бы найти в македонце «союзника» в условиях доминирования христианства. Но его позиция скорее исходила из языческой этико-философской критики. В своём произведении «Кесари, или императоры на торжественном обеде у Ромула, где и все боги» представлены Цезарь,

Август, Траян, Александр, Константин Великий и Марк Аврелий. Все кроме последнего являются «военными типами» (их Юлиан не жалуется), а Константин (дядя Юлиана) – раб своих страстей, а Александр импульсивный, несдержанный. В итоге Юлиан симпатизирует в этом произведении не своему дяде-христианину, и не язычнику-македонцу, но своему кумиру – язычнику-философу Марку Аврелию, так как Юлиан считал его сдержанным и рассудительным. Хотя противники-христиане Юлиана, как замечает Калделлис, приписывали ему обожание Александра, чуть ли не мистическое отождествление с ним через переселение душ. Такие спекуляции стали возможны благодаря очередной римско-иранской войне, где войско возглавлял Юлиан.

Император Ираклий тоже предстаёт в интересном свете в контексте его масштабной войны с Персией, во многом сопоставимой с походом Александра. Его сподвижник Георгий Писида сравнивает его с Гераклом, как замечает Калделлис. Однако он почему-то не упомянул, что Писида также написал об Ираклии такие произведения как «О походе царя Ираклия на персов», «Ираклиада, или О совершенном поражении Хосроя - царя персидского». Также по некоторым данным, как сообщает Калделлис, «Сирийская легенда об Александре», была создана в поддержку похода Ираклия против Персии. И очень интересен здесь момент «закольцовывания» персоналий: Александр – это прото-Ираклий, Ираклий – Новый Александр.

Упоминает Калделлис и о Василии I – основателе Македонской династии - в нашем контексте уже забавное совпадение. Происхождение Василия до сих пор является дискуссионным, но многие учёные сходятся во мнении о его армянской этничности, но его рождении в византийской Македонии, либо Фракии. Сам же Калделлис сообщает, что «...римляне обычно называли Василия македонцем из-за его провинциального происхождения, нежели армянином, а в некоторых арабских текстах его называют славянином. Предсказуемо началась ожесточённая дискуссия по этому вопросу, как будто могла существовать одна единственная правда о его происхождении (весь спор основан на идее расовой чистоты)» [3, с. 192].

Впрочем тонкости споров современных учёных, не нашли бы отклик в сознании средневековой людей коими были его сын и внук – Лев VI Мудрый и Константин VII Багрянородный. Их предок довольно хитро и ушло, продвигался по карьерной лестнице, став фаворитом и соправителем Михаила III, в итоге убив его и основав так новую династию. «Благодарные потомки» решили обелить своего предка, создав о нём биографию «Жизнь Василия» (*Vita Basilii*), где, как сообщает Калделлис, Василию приписывают благородное происхождение из армянской династии Аршакуни, а в предки записывают Константина Великого и, самое главное, Александра Великого. Василий здесь приручает дикого коня (намёк на Буцефала Александра) и встречает некую вдову с Пелопоннеса (синкретическая аллюзия на Царя Давида и Царицу Савскую, а также на Александра и Царицу Кандакии).

Далее Калделлис затрагивает такую тему как присутствие фигуры Александра в педагогической, учебной, агиографической литературе. Это довольно интересная тема, так как благодаря автору статьи мы узнаём, что Александр является персонажем педагогического процесса, что представлено в так называемых «прогимнаста» (*προγυμνάσια*) – серии специальных риторических упражнений, призванных обучить юного греко-римского (позже византийского) человека основам красноречия и благородству. Отметим, что традиционно античные и средневековые греки обращались в своих риторических упражнениях к Гомеру, что было неизменным принципом образовательно-воспитательной системы пайдейя. Это ещё заметил немецкий филолог Вернер Йегер в своём блестящем труде «Пайдейя»: «От эпохи к эпохе греческая поэзия во все большей степени проникается осознанным воспитательным духом» [4, с. 70] и «Гомер — воспитатель Греции... Представление о поэте-воспитателе своего народа — в самом

широком и глубоком смысле слова — было расхожим среди греков и всегда сохраняло для них свою важность» [4, с. 65]. Тем интереснее дополнение Калделлиса о том, что и чисто исторические сочинения могли использоваться в педагогическом процессе, а не только мифолого-поэтические источники. Он отмечает, что использовались сочинения Геродота, Фукидида, Демосфена. А Александр представлен также в «упражнениях» Либания Антиохийского, Афтония Антиохийского Сопатра Апамейского, Никифора Васибеки (ритор). В военных руководствах, в частности в одном трактате, автором которого считается Император Никифор Фока, Александр, по сути, оказывается безавторитетным военачальником. В агиографической традиции Александр используется в представленной ранее манере – в апологетических целях христианских риторов.

Наконец, в завершении своей работы, Калделлис вкратце рассматривает фигуру Александра в поздневизантийский период. Это очень драматичный и завершающий период в истории Византии. Империя окончательно подорвала свои силы, после латинской оккупации и всё продолжавшегося тюркского нашествия, угрожавшего всё больше уничтожить остатки некогда великой державы. У византийцев происходит внутренний диссонанс привычной для них имперской идеологии величия с печальной реальностью, где все их теснят. У интеллектуального и творческого класса наблюдается что-то вроде «внутренней миграции» - случается последний рассвет культуры – Палеологовский Ренессанс.

И как замечает Калделлис, у последней правящей династии Палеологов, именем которой был назван этот культурный взлёт, видна довольно постоянная апелляция к греко-македонской этнической идентичности и к мифу об Александре в роковых условиях турецкого натиска. Приводится речь, Мануила II Палеолога к жителям Фессалоник, осаждённых турками, где Император напоминает горожанам, что они римляне, но их отечество то же, что и у Филиппа и Александра, поэтому они наследуют лучшие качества обоих народов [1, с. 232]. За Мануилом следовали и другие власть имущие. Со своей стороны предположим, что это было также вызвано не только практическими целями политики и патриотизмом, но и «сужением» имперского наднационального сознания до регионального. По сути, византийские греки вернулись в конце Средневековья к своему античному этнополитическому и географическому самовосприятию.

Калделлис справедливо говорит, что образ Александра стал универсальным. И когда пришло время Византии окончательно уйти с исторической сцены в 1453 году, завоеватель этой Империи и её славной столицы Константинополя, Мехмед II был наречён, по иронии судьбы, самим греками «Новым Александром».

Таким образом, мы провели анализ статьи греко-американского византолога Энтони Калделлиса. Данная работа раскрывает множество ранее малоизвестных фактов по заданной теме. Историческая личность Александра Македонского и шире, его образ в мировой культуре действительно являются во многом универсальными. Интерес к этому человеку не угасает до сих пор. Нам известны многие «рефлексии» на тему Александра, прежде всего, в западной культуре. Но, к сожалению, в научной среде и, прежде всего, в общественном сознании, в массовой культуре, византийская «оптика» по данному вопросу (да и в целом, византийская проблематика) не столь популярна как хотелось бы.

Надеемся, что статья господина Калделлиса (и наш скромный комментарий к ней) помогут исправить существующее положение. Данного автора всегда интересно читать, его исследования будут полезны не только узким специалистам в области византологии, но и всем интересующимся вопросами эллинизма, Античности и Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kaldellis A. Alexander the Great in Byzantine Tradition, AD 330-1453. In: A History of Alexander the Great in World Culture. / Ed. R. Stoneman. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. p. 216-241.
2. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2. СПб. 1994. 672 с.
3. Kaldellis A. Ethnicity and Empire in Byzantium. Harvard University Press 2019.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. М., 2001. 594 с.

REFERENCES

1. Kaldellis A. Alexander the Great in Byzantine Tradition, AD 330-1453. In: A History of Alexander the Great in World Culture. / Ed. R. Stoneman. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. p. 216-241.
2. Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniia [Lives]. V. 2. Saint-Petersburg. 1994. 672 p. (In Russian)
3. Kaldellis A. Ethnicity and Empire in Byzantium. Harvard University Press 2019.
4. Jaeger W. Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka [Paideia: The Ideals of Greek Culture]. V. 1. Moscow. 2001. 594 p. (In Russian)